

Имущественные споры в русской крестьянской семье пореформенной России (по материалам волостных судов)

И.Ю. Шустрова

История повседневного, или повседневности — направление в историографии, которое имеет дело не с великими событиями и выдающимися личностями, а с теми сюжетами, которые традиционные историки пропускали как несущественные. Замечено, что изучение «прозы жизни» в разных её проявлениях открывает новые горизонты познания прошлого, обогащает палитру историка, накладывая на полотно новые краски, позволяет обратиться «к малым жизненным мирам, серым зонам и нишам повседневности»¹. В настоящем сообщении речь пойдет о возможности использования документов волостных судов для исследования имущественных споров в русской крестьянской семье Верхнего Поволжья. Предметом рассмотрения стали дела, отложившиеся в результате деятельности волостных судов Ростовского уезда в 60-80-х годах XIX века². Факты, характеризующие повседневные и экстраординарные события на примере конкретных населенных пунктов, позволяют понять специфику процессов, проходивших на микроуровне, в том числе, в рамках крестьянской семьи³.

Известно, что волостной суд — это выборный, низший сословный крестьянский суд в дореволюционной России. Обособленный от системы общих судов волостной суд избирался ежегодно волостным сходом. В его состав входили председатель и трое судей, которые рассматривали наиболее распространённые в жизни крестьян мелкие гражданские и уголовные дела. Волостному суду были подсудны споры и тяжбы между крестьянами при наличии иска не свыше 100 руб.⁴ Учрежденные в 1861 г. волостные суды были упразднены в 1917 г. В 1889 г. были утверждены «Временные правила о волостном суде»⁵.

Значительная часть материалов, отложившихся в фондах волостных судов архивов различных регионов России, в должном объеме не введена в научный оборот вплоть до настоящего времени, что делает актуальной тему настоящего сообщения. Наблюдение Е.И. Якушкина о том, что приговоры волостных судов представляют «превосходный и богатый материал для изучения обычного права»⁶ сохраняет свое значение до настоящего времени. Изучение обыч-

ного права народов России началось в пореформенный период. Первым его этапом стала разработка программ для сбора материалов⁷. Отечественные юристы сопоставляли основные положения функционировавших законов и норм обычного права⁸. Несколько позднее этнографы всесторонне проанализировали место обычая в регулировании взаимоотношений в крестьянской общине⁹. Историки, ориентированные на новые подходы к исследованиям, в последнее десятилетие отметили оправданность включения материалов судебных органов в поле зрения исторической антропологии¹⁰.

Имущественные споры в крестьянских семьях чаще всего возникали в результате семейных разделов. Следует принимать во внимание следующее обстоятельство. Крестьянская семья в XIX в., являясь неотъемлемой частью и основой института общины, в традиционной форме представляла собой большую патриархальную семью, состоявшую из нескольких семейных пар, связанных прямым родством. Обычно это было объединение под одним кровом женатых братьев под главенством «большака», которым становился самый старший член семейства – отец или старший брат. Авторитет старших, как и авторитет предшествующих поколений, имел огромное значение для существования такой социальной и экономической организации, как крестьянская семья. Именно таким образом обеспечивался порядок накопления и преемственности опыта и межпоколенной передачи его в хозяйстве¹¹. Пореформенное развитие России стало временем, когда многие общественные институты претерпевали изменения. Не стала исключением и крестьянская семья.

Источники второй половины XIX в. позволяют судить о том, что в регионе в пореформенный период нередко происходили общие, или полные, и частные разделы. Первые в крестьянской среде именовались собственно разделами. Последние подразделялись на два вида, которые заметно отличались друг от друга. В том случае, если один-два женатых сына или холостые члены семьи начинали вести с частью общесемейного имущества самостоятельное хозяйство и жить отдельно, заручившись согласием главы семьи, раздел именовался «отделом» («выделом»). «Отходом» («уходом») назывался выход женатых или холостых членов самовольно, без согласия главы семьи из ее состава. Общие разделы в крестьянских семействах проводились в основном после смерти его главы. Частные же происходили при жизни хозяина¹². Доля общесемейного имущества в случае раздела или доля наследования в случае смерти «большака» определялись нормами обычного права. Раздел семьи, как пишет П.С. Ефименко, обыкновенно осуществлялся так: «Один или несколько сыновей выделяют в самостоятельное хозяйство, а старики или остаются доживать свой век одни или переходят в какую-либо из образованных новых молодых семей»¹³.

В качестве основных причин семейных разделов в ярославской деревне следует выделить стремление младших членов семьи свободно распоряжаться заработком; непокорность и непослушание старшим, основанные на упадке экономического авторитета тех в семье; и, наконец, внутренние семейные межличностные конфликты, которые зачастую становились поводом к разделам¹⁴.

Стремление к разделам во многих центральных губерниях было столь сильным, что «искусственная административная преграда в виде закона 1886 г. о семейных разделах оказалась вовсе бессильной сдерживать натиск индивидуалистических стремлений в крестьянской семье»¹⁵. Уполномоченный решать вопрос о разделе сельский сход, прежде всего, должен был убедиться, последовало ли на это согласие родителей или старшего члена семьи. Мнение последних не принималось в расчет «только вследствие обвинения ... в расточительстве». В том случае, когда заявление было подано, сход должен был обсуждать следующие вопросы: 1) существует ли основательный повод к разделению семьи; 2) способно ли образующееся семейство к самостоятельному ведению хозяйства; 3) «достаточны ли принадлежащие им усадебные участки для устройства на них усадеб с соблюдением требований строительного устава, а в случае неимения таких участков – предоставляется ли возможным отвести их из мирской усадебной или полевой земли»; 4) «будет ли в случае допущения раздела обеспечено исправное поступление числящихся на семье недоимок и текущих окладов по податям, повинностям и другим казенным взысканиям». Как видим, разделы происходили по решению схода лишь с согласия домохозяина «по уважительным причинам и при имущественной благонадежности разделяющихся семей»¹⁶.

Разделы, как правило, происходили с составлением особой раздельной записи, в которой подробно излагались условия раздела, перечислялись предметы, которые переходили к каждому из новых глав семей и т.д. Имущество, оцененное по стоимости и разделенное на части, делящиеся получали путем жеребьевки¹⁷. Безусловно, не все нажитое семьей можно было разделить на равные части. Так, избы и другие строения признавались имуществом нераздельным. В практике деления предусматривалась приплата в деньгах за меньшую долю имущества. Те члены семьи, которые получали избу, должны были выплачивать определенную сумму денег семьям, не получившим своей доли. В том случае, когда семья была не богатой, до постройки новой избы разделившимся семействам приходилось жить вместе, до постройки новой избы старая разгораживалась на две половины¹⁸.

В 1862 г. Борисоглебский волостной суд Ростовского уезда разбирал спор, возникший между крестьянкой Борисоглебской слободы Екатериной Яковлевой и ее вдовой снохой. Золовка утверждала,

что ее сноха не имеет никаких прав на дом, в котором женщины проживали вместе. По утверждению истицы, дом и постройки выстроены еще при жизни матери, когда брат был неженат: «По сему видно, что Настасья Михайлова была приведена в полный дом и после никакого поправления не производила», поскольку жила с мужем в Санкт-Петербурге. Претензии истицы вполне понятны, если принять во внимание то обстоятельство, что в «переднем доме» постоянно проживали постояльцы. Волостной суд, принимавший решение по указанному спору, отметил, что истица имеет строптивый характер, а бездетная «сирота» Анастасия Михайлова, родители которой уже умерли, а брат «многосемьян», добра, распорядительна и не может жить нигде, кроме как в доме умершего мужа. Постановление суда едва ли удовлетворило истицу, поскольку ей для жительства был отведен передний дом, а снохе задний¹⁹.

Спор, касающийся имущественных претензий, рассматривался в 1864 г. Истцом выступил крестьянин д. Томаково Павел Дмитриев. Ответчицей была его родная бабушка Матрена Дмитриева Кувшинова. Внук обвинял бабушку в том, что она «воспользовалась имением, оставшимся после умерших его родителей». Волостной суд выслушал показания крестьян-соседей, которые свидетельствовали, что Кувшинова в течение одиннадцати лет воспитывает внучку, принадлежащую истцу родной сестрой. Кроме того, часть средств была израсходована на одежду и «прочие надобности», когда бабушка отправляла просителя в Санкт-Петербург. В соответствии с решением волостного суда имущество родителей, на которое претендовал проситель, было оставлено за его сестрой. Земля, которая следовала на его долю, могла быть передана «кому он заблагорассудит». Поскольку в отсутствие просителя Матрена Кувшинова действительно пользовалась землей, она должна была уплатить 5 руб., которые должны быть «поверстаны» в оброк за истца²⁰.

Если семейство было зажиточным и имело какое-либо промышленное заведение, переходившее к одному из новых глав семей (например, к одному из братьев), последний в качестве компенсации должен был выплачивать остальным определенную сумму денег²¹. Аналогичные правила соблюдались при разделе между вдовой с детьми и ее деверем, между братом и сестрой, проживавшими совместно. При общесемейном разделе, когда делилась семья, построенная по принципу прямого родства, отец брал к себе младшего сына и ему передавал свой дом и все свое имущество.

Несмотря на, казалось бы, отработанный механизм раздела, существовали поводы для споров. В 1870 г. Зверинцевский суд Ростовского уезда рассматривал спор, возникший между сестрой и братом, крестьянами с. Дубник, после смерти отца. Суд «приговорил»: «Якову Никитину Тюленеву из всего имущества, оставшегося после по-

койного отца взять в свое владение следующее имущество, а именно: 1. Переднюю избу, напротив оной холодной чулан и половину двора; 2. Сарай деревянный; 3. Ригу иметь вообще с сестрой Любовью; 4. Собственной пахатной земли в участке Семилове 1 1/3 с яровой...; 5. Два яблонных сада: задний и боковой с ягодным в оных кустарником; 6. Лошадь мерина сивого; 7. Корову седой шерсти; 8. Телушку пеструю; 9. Овцу без ягнят; 10. Телегу хорошую без колес, ратку с колесами кругом кованными шинным железом, телегу суровую, самолет с железами, сани казанские хорошия, сани дровни, хомут хороший с шлеей под серебром, дугу вызолоченную, 2 хомута... два тчана для хранения хлеба, две шайки и ушат для воды, две небольшие шайки, стенные испорченные часы, ружье одноствольное, чайник красной меди, тулуп суконный на лисьем меху, поддевку суконную на калмыцком меху, кафтан суконный летний на гладкой подкладке, дубленую нагольную шубу из русских овчин, две нагольные шубы из русских овчин, тулуп нагольный из русских овчин, кафтан суконный на домашней подкладке, тулуп суконный на волчьем меху и оный ему выкупить из-под залога на свой счет...». Столь же подробно было описано и имущество, поступавшее в распоряжение сестры²².

Причиной, задерживающей, по мнению современников, но не препятствующей выходу из большой семьи отдельных ее членов, была боязнь нужды на «одиначине»²³. Отсутствие поддержки отцовской семьи для малой семьи заключало в себе реальную угрозу ее разорения. Поэтому в решении младших членов семей отделиться большое значение имела собственность, накопленная ими («собина»²⁴). Эти средства, чаще всего утаенные от главы семьи, которому надо было отдавать весь заработок, служили основанием для выделения новой семьи из большой. Тем не менее, как свидетельствует А.А. Титов, «редко у кого» из отходников Ростовского уезда оставалось «хорошее состояние после дележа»²⁵. Корреспондент «Вестника Ярославского земства» С.А. Пчелин утверждал, что уход сыновей из отцовской семьи ведет исключительно к их обеднению²⁶.

Подобное утверждение может показаться довольно категоричным и даже предвзятым, но если вспомнить о том, что самыми зажиточными в ярославской деревне рассматриваемого периода являлись неразделенные большие семьи, оно вполне обосновано. Тем не менее, мы видим, что даже при наличии факторов, тормозящих процесс распада большой крестьянской семьи, отходничество способствовало увеличению семейных разделов в Ярославской губернии.

Имущественные споры нередко возникали в связи с порядком наследования. Анализируя порядок наследования в крестьянском обществе, Е.И. Якушкин писал: «...Так как крестьянское имущество главным образом состоит из семейной собственности, то по смерти

членов семейства наследства не открывается. Только после смерти бездетной женщины, приданое ее возвращается ее родителям или другим родственникам, принадлежащим к той семье, из которой она вышла. Иногда, впрочем, раздел имущества следует непосредственно за смертью домохозяина, и в таком случае право на получение имущества определяется не одним только родством, но, во-первых, принадлежностью к семейству, во-вторых, участием в семейном заработке. Лицо непосредственное (приемыш, зять принятый в дом), принадлежащее к семейству, получает известную часть, или даже и все имущество, между тем как ближайший, но отделенный родственник не получает ничего»²⁷. Вполне понятно, что порядок наследования, установленный законом, не соответствовал «ни народным понятиям, ни его хозяйственному быту»²⁸.

26 ноября 1872 г. Зверинцевский волостной суд рассматривал прошение государственных крестьян д. Чурилово «девицы Матрены и брата ее мальчика Алексея Константинова». Просители жаловались на побои, наносимые им отцом. Их отец Константин Иванов был женат вторым браком и имел падчерицу. Основным же в прошении было упоминание того, что дом был выстроен покойной матерью «на свой и их капитал». Решение волостного суда было следующим: «Дом предоставить во владение детям ... навсегда». Отец с новой семьей должен был из дома «вытти... беспрепятственно»²⁹.

Анализ документов волостных судов позволяет судить об изменениях, которые касались взаимоотношений супругов, родителей и детей в крестьянской семье региона в пореформенный период, порядка и правил наследования, семейных разделов, имущественных споров. Источники свидетельствуют о трансформации крестьянской семьи региона. Большого размаха достигли процессы нуклеаризации и сегментации семьи, характерные для большинства индустриальных стран. Одной из наиболее ярко выраженных тенденций в развитии семьи является тенденция к устранению остатков авторитарности, сохранившихся от прошлого. Власть хозяина двора над совершеннолетними членами семейства в конце XIX – начале XX в. становилась своего рода пережитком прошлого, хотя продолжала поддерживаться некоторыми официальными установлениями³⁰. Изменение внутренних связей семьи происходило главным образом под влиянием экономических изменений.

**

¹ См.: Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996; Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 291-302; Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 1997; Медик Х. Микроистория // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Т. II. Вып. 4. С. 193-203; Горизонты

- локальной истории Восточной Европы. Сб. статей. Челябинск, 2003; Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 93-112 и др.
- ² Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (далее – РФ ГАЯО). Ф. 340.
- ³ Where the twain meet. Dutch and russian regional demographic development in a comparative perspective. 1800-1917. Groningen, Wageningen, 1998; Where the twain meet again. New result of the Dutch Russian project on regional development 1780 – 1917. Groningen, Wageningen, 2004; Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции, Вологда, 20-21 июня 2000 г. Вологда, 2001; Шустрова И.Ю. Материалы по истории православных приходов XIX – начала XX вв. в фондах духовных ведомств // Молога. Рыбинское водохранилище. История и современность. К 60-летию затопления Молого-Шекснинского междуречья и образования Рыбинского водохранилища. Материалы научной конференции. Рыбинск, 2003. С. 173-182; Шустрова И.Ю. Интегральная история на локальном уровне: методика, источники, результаты // Горизонты локальной истории Восточной Европы. Сб. статей. Челябинск, 2003. С. 34-47. См. также: Обычное право и правовой плюрализм: Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму (август 1997 г., Москва). М., 1999.
- ⁴ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. М., 1960. С. 145.
- ⁵ О волостном суде. Временные правила о Волостном суде в местностях, в которых введено Положение о Земских Участковых начальниках // Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX-начале XX века. М., 2003. С. 247-254.
- ⁶ Якушкин Е.И. Волостные суды в Ярославской губернии. М., 1872. С. 5.
- ⁷ См.: Харузин М.Н. Программа для собирания сведений об юридических обычаях // Программа для собирания этнографических сведений, составленная при этнографическом отделе Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1887; Программа для собирания народных юридических обычаев. СПб., 1889; Дополнительная программа для собирания народных юридических обычаев. Ярославль, 1900; Титов А.А. Юридические обычаи села Николо-Перевоз Сулоостской волости Ростовского уезда. Ярославль, 1888.
- ⁸ Якушкин Е.И. Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. Ярославль. Вып. 1. 1875; Вып. 2. 1896; Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Казань, 1888; Белогриц-Котляревский Л.С. Роль обычая в уголовном законодательстве. Актовая речь, читанная на торжественном собрании Демидовского юридического лицея 30 августа 1887 года. Ярославль, 1888; Духовской М.В. Имущественные проступки по решениям волостных судов. М., 1891; Никонов С.П., Якушкин Е.И. Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда. Ярославль, 1902; Дружинин Н.П. Право и личность крестьянина. Ярославль, 1912 и др.
- ⁹ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX вв. М., 1984; Власова И.В. Община и обычное право у русских крестьян Северного Приуралья (XVII-XIX века) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1991. С. 24-44; Власть земли. Традиционная экономика крестьянства в XIX – начале XX века. М., 2002; Никищенко А.А. Крестьянство в судебной системе российского государства // Крестьянское правосудие.

- Обычное право российского крестьянства в XIX-начале XX века. М., 2003. С. 37-68; Безгин В.Б. Обычное право русской деревни (вторая половина XIX-начало XX вв.) Тамбов, 2004; и др.
- ¹⁰ Аكوпова Т.В. Менталитет русского крестьянства по материалам волостных судов (60-70-е годы XIX в.) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4-6 февраля 1998 г. М., 1998. С. 50-51; Добренский С.И. Материалы волостных судов как источник по изучению проблемы «Человек и пространство в сельской местности пореформенной России (на примере Московской губернии) // Там же. С. 241-243; Бреус И.С. Действие обычно-правовых норм в сфере семейно-брачных отношений // Культурология традиционных сообществ: Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых / Отв. Ред. М.Л. Бережкова. Омск, 2002. С. 52-54.
- ¹¹ См.: Громько М.М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII-XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 10-11.
- ¹² Титов А.А. Указ. соч. 1888. С. 62-65.
- ¹³ Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев. Спб., 1890. С. 9.
- ¹⁴ Титов А.А. Указ. соч. С. 62; Исаев А. Значение семейных разделов крестьян. По личным наблюдениям. Ярославль, б.г. С. 337.
- ¹⁵ Милоголова И.Н. Семья и семейный быт русской пореформенной деревни. 1861 – 1900. М., 1988. С. 7.
- ¹⁶ Хомяков М.М. О влиянии экономического фактора на крестьянскую семью (обычай примачества). Казань, 1901. С. 7.
- ¹⁷ Милоголова И.Н. Семейные разделы в русской пореформенной деревне (на материалах центральных губерний) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1987. № 6. С. 43.
- ¹⁸ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 39, 44, 76 и др.
- ¹⁹ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 18. Б.п.
- ²⁰ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 39. Б.п.
- ²¹ РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 30. Б.п.
- ²² РФ ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 76. Б.п.
- ²³ Титов А.А. Юридические обычаи села Никола-Перевоз Сулостской волости Ростовского уезда. Ярославль, 1888. С. 62.
- ²⁴ Цит. по: Шмелева М.Н. Русские / Материалы к серии «Народы и культуры»: историко-этнографический очерк народной культуры. Вып. 6. Кн. 2. М., 1992. С. 152.
- ²⁵ Титов А.А. Юридические обычаи села Никола-Перевоз Сулостской волости Ростовского уезда. Ярославль, 1888. С. 62.
- ²⁶ Пчелин С.А. Отход на сторону в одиночку и семьей // ВЯЗ. 1903. № 19. С. 91.
- ²⁷ Якушкин Е.И. Волостные суды в Ярославской губернии. М., 1872. С. 11.
- ²⁸ Якушкин Е.И. Волостные суды в Ярославской губернии. М., 1872. С. 11.
- ²⁹ Ростовский филиал ГАЯО. Ф. 340. Оп. 1. Д. 76. Б.п.
- ³⁰ См. Рындынский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983. С. 177-178.